

Санникова Татьяна Олеговна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и права
Филиала ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», г. Воткинск
sannikova_t@mail.ru

Воткинские образы в воспоминаниях и романе Е. Пермяка «Горбатый медведь»

Аннотация. Статья посвящена сравнению воспоминаний писателя Е. А. Пермяка (1902–1982 гг.) о его детстве, прошедшем на Воткинском заводе в начале XX века и художественных образов романа «Горбатый медведь» (1965 г.), в основе которых лежат воткинские темы и прототипы.

Ключевые слова: воткинские образы, Е. А. Пермяк, роман «Горбатый медведь».

Значительный период XX века в книгах и статьях – город Пермь указывался местом рождения советского писателя Е. А. Пермяка (1902–1982), с чем связывался и его псевдоним, поскольку настоящая его фамилия по отцу – Виссов.

Иногда эта информация перепечатывается и в современных источниках по привычке. Однако еще в 1992 году воткинским краеведом З. А. Владимировой в Центральном государственном архиве Удмуртской республики (ЦГА УР) были найдены документы, свидетельствующие о том, что местом рождения Е. А. Пермяка является – Воткинск [1, с. 4].

Вполне возможно, что сам писатель и не знал настоящего места своего рождения, во всяком случае, везде указывал местом рождения Пермь. З. Владимирова в своей публикации предположила, что это было как это связано с матерью писателя. Другая воткинская исследовательница – А. Миролубова, допускает, что это могло быть связано с семьей деда [2, с. 11]. Тем не менее, в Воткинске прошли детские годы Евгения Виссова. С матерью часто приходилось бывать в разлуке. Забота бабушки, деда и тетки (сестры матери) скрашивала семейные сложности.

Материалы о доме Затылковых, в котором прошли детские годы писателя и его предках найдены краеведом Э. И. Гаевским: «Вот о чем гласит один из документов ЦГА УР от 3 (15 нов. ст.) ноября 1862 года. «Сарапульский купецкий сын Лаврентий Затылков» имел в Воткинске деревянный дом размером 4 × 5 сажен, с двумя пекарными (т. е. русскими), тремя «голландскими» и одной банной печами... Дом имел общую площадь 160 квадратных метров. Был у Лаврентия и родственник – сарапульский купец Матвей Кондратьевич Затылков. Ведь эта фамилия не принадлежала коренным воткинцам, и Лаврентий, скорее всего был первым Затылковым, поселившимся в городе» [3, с. 11].

В письме Е. А. Пермяка к воткинскому краеведу и основателю постоянно действующей выставки по истории Воткинского завода (в дальнейшем – музей истории Воткинского машзавода) – А. З. Воротову от 11 января 1971 года о прототипах в романе «Горбатый медведь» и месте действия – Мильвенском заводе, писатель замечал: «Вполне понятно, что в мою собирательную Мильву попали наиболее дорогие, знакомые улицы моего детства, прошедшего главным образом, в доме моего деда. Младенческих лет я, естественно, не помню. Знаю себя с пяти и то не очень отчетливо. Запомнились годы, проведенные в Перми, откуда меня вернули в дедовский, вернее, теткин дом. Затем я жил с матерью в доме Бадалева на бывшей Поповской улице и в доме Алемасовых, рядом на той улице. В нем мать снимала маленькую квартиру – комнату с кухней. Кухня была перегороджена тесовой перегородкой, и образо-

вался закуток для меня. Этот дом и сердечная семья Алемасовых живут во мне светлыми воспоминаниями до сих пор» [4, с. 42].

Активная переписка воткинцев с уже известным писателем Е. А. Пермяком началась по инициативе А. З. Воротова. Благодаря настойчивости последнего, Е. А. Пермяк приступил к написанию мемуаров, включающих воспоминания о жизни дореволюционного Воткинска, хотя и признавался: «К мемуарной литературе я не склонен по своей творческой природе» [5, с. 10]. Мемуары не были закончены, но и полученные отрывки являются интересным материалом для восстановления облика, образа дореволюционного Воткинска. «Я сделал выборки из черновика рукописи книги воспоминаний...», – замечал Е. А. Пермяк А. З. Воротову, – Не знаю, пригодятся ли Вам эти отрывочные главы, не очень литературно обработанные, но думаю, что что-то окажется пригодным и, может быть, интересным... Отобранные главы дают картины из рабочей жизни старого Воткинска» [6, с. 6]. Частично данные материалы были изданы с предисловием А. З. Воротова в Воткинске в 1992 году к юбилею писателя.

Начинаются страницы воспоминаний, присланных писателем Е. А. Пермяком в музей истории машзавода с описания дома рабочего: «Общеизвестно, что большинство жителей старых заводов жили в своих домах. Не был исключением и Воткинский завод» [7, с. 9].

Отмечая, что дома воткинских рабочих были разными, что зависело от заработков, сферы занятости, наконец удачливости работника, Е. А. Пермяк подробно рассматривает средний – наиболее распространенный дом. «Такой дом вполне можно назвать избой пятистенкой, отличавшейся от деревянной избы своей «начинкой», мебелью, утварью и все остальным, характерным для жителя полугородского типа. Полугородского, говорим мы, потому что сельское наследие не оставляло дом и двор рабочего. Свой огород, своя живность и многое другое отличало рабочий дом, как и самый рабочий поселок от населенных пунктов типично городского типа».

В романе «Горбатый медведь» центральные события разворачиваются на Мильвенском заводе, в котором явственно читаются черты родного для Е. А. Пермяка – Воткинского завода: «В центре Мильвы плавят сталь, прокатывают и куят железо, сооружают котлы, корпуса судов, а по улицам бредут стада коров и овец, в конюшнях ржут лошади, на дворах гогочут гуси, квохчут куры и хрюкают свиньи. У Мильвы свой запах. Она пахнет и фабричным дымом и прелой, унавоженной землей огородов. И тот же Яков Евсеевич Кумынин на заводе кузнец, а дома сельский житель. У него богатый огород, корова, буланая лошадь, две овцы, свинья, гуси и куры, а он ни мужик, ни крестьянин, а мастеровой человек, как в большинстве жители Мильвы, которых «кормит завод-батюшка, а подкармливает земля-матушка» [8, с. 28].

«Пятистенный дом, – вспоминал Е. А. Пермяк, – это бревенчатое жилище, кроме обычных наружных четырех стен, имело внутреннюю пятую стену. Пятая стена разгораживала жилище рабочего на две половины, одна из которых была кухней-столовой, вторая же именовалась горницей, а чаще залом» [9, с. 9].

В художественном повествовании «Горбатого медведя» снова находим параллели: «Дом прокатчика Самовольникова, где нашли временное пристанище Киришбаумы, представлял собой типичное жилище мильвенского рабочего. Это изба-пятистенка, которую называют домом, как и горницу предпочитают именовать залом» [10, с. 37].

Среди воспоминаний Е. А. Пермяка – характеристика первого воткинского кино-театра: «В начале десятых годов появилось новое массовое зрелище. В Воткинский приехала энергичная семья Маниных. Вместе с приездом этой семьи стали поговаривать, что вскоре будет открыт новый электротheater «живых», движущих картин.

Кинематографу, или электротатеатру было дано звучное название «Фурор». Владельцы театра не ошиблись. «Фурор» в самом деле стал фурором для Воткинска. Жители города буквально были ошеломлены, увидев на экране движущихся людей, волнующееся море, бегущих лошадей, летящих птиц....» [11, с. 24].

В Мильве также «открылся и успешно работал кинематограф, названный «Прогресс»: для тех, кто впервые видел на экране движущихся людей, волнующееся море, шевелимые ветром листья деревьев, бегающих животных и все, что стало большой ожившей фотографией, этот электротатеатр оказался волшебным без преувеличений» [12, с. 163].

Воткинский «Фурор» писатель оценивал двояко: «Он и отравлял, с одной стороны, сознание своих зрителей, но с другой – просвещал тех, кто, кроме воткинской жизни, не видал иной. (...) «Фурор» приобщил зрителей к «большому свету». Постановщики, не желая того, открыли через экран доступ во дворцы, в хоромы знати. И воткинские зрители увидели чудовищный разрыв жизни поработителей и поработаемых. (...) И предприниматели, не желая того, становились пропагандистами революционных настроений угнетенных» [13, с. 26]. Эту характеристику кинотеатра Е. А. Пермяк дает и в романе: «Хозяева «Прогресса» Шишигины, заботясь о наживе, доставая новейшие картины, и не представляли, как они расширяли познание мильвенцев, добрая половина из которых не читала и не писала. Экран «Прогресса» стал окном, пусть не таким широким, но все же окном в большой мир. И многие, смотревшие в это окно, впервые в жизни спросили себя: «А так ли мы живем?» Шишигины, не поверили бы, если бы кто-то им сказал, что «Прогресс» ускоряет приближение их конца, что они продают не билеты на право входа в кинематограф, а торгуют опасными для них познаниями» [14, с. 163].

И такое восприятие кинематографа писателем, явно указывает и на его художественное название, поскольку в воспоминаниях он резюмирует: «Таким образом, воткинский «Фурор» можно в какой-то степени назвать явлением **прогрессивным** (выделено – С.Т.О.), особенно в те годы, когда читаемость книг была незначительной. А тут все, как на ладони. И барин, и князь, и царь. Следовательно, в истории Воткинского завода «Фурор» был заметной вехой» [15, с. 26].

Описывая воткинский быт, Е. А. Пермяк вспоминает и о продуктах питания и о любимых «лакомствах» воткинцев: о сборе грибов и их засолке (что представляло собой насущную потребность в пополнении скудного рациона рабочей семьи), о редьке и наконец, о калеге: «случались в рабочих семьях и лакомства. К ним следует отнести «паренки». Паренки представляли собой небольшие дольки калеги (так называлась в воткинске брюква). Засыпанные в корчагу или большой чугунок они парились в вольном жару русской печи. Парились довольно долго, до полного «упревания». Упревшие они становились лакомством детворы» [16, с. 32].

Приехавший из Перми – главный герой романа «Горбатый медведь» – Маврик (Маврикий Толлин), засыпает в родном дедушкином доме с «теплыми» мыслями: «У лета впереди еще сорок пять дней. Сколько купаний будет за эти дни. Сколько теплых вечеров. Сколько новых знакомых. Новых игр. А потом грибы. (...) А потом ты можешь помогать солить капусту. Ее купят не менее чем сто кочанов, а огурцов тысячу штук. Потом поспеет калегга, которую в Перми почему-то называют брюквой. Старая Кумыниха напарит тебе и Санчику целую корчагу вкусных паренок из калеги. Это не Пермь. Здесь своя русская печь, и она может, что ты захочешь, напечь, нажарить, напарить, сварить...» [17, с. 69].

В воспоминаниях о 1913 г., связанных с празднованиями трехсотлетия царствовавшего дома Романовых, Е. А. Пермяк размышляет о судьбе монархии в России и ее

влиянии на развитие, вернее торможение капитализма. «Мне было трудно тогда, – замечает писатель, – судить о степени технической отсталости Воткинского завода. Но рядом жили люди, знающие завод, которые и тогда могли сопоставить помпезность юбилея дома Романовых с трагическим застоем, который принесли они стране.

Дом Романовых сам съел к началу империалистической войны свой собственных фундамент и сгноил нижние венцы своих «стен» [18, с. 33].

Это же ощущение писатель передает Маврику, задумывающемуся об отсталости производства Мильвенского завода в 1917 году: «Совсем недавно Мильвенский завод восхищал его и все было новым и удивительным. А теперь он, повидавший хотя и не так близко другие заводы, зная по картинкам иностранных журналов и рекламным изданиям, как там, как у них, слышав не раз суждения приезжих инженеров, знакомых рабочих и мастеров о том, что Мильвенский завод стар и отстал, мог судить о недостатках своего завода. Пусть незрело, поверхностно, а иногда и наивно, все же верно по целеустремленности.

На шихтном дворе человек пятнадцать чернорабочих били чугунной бабой железный лом для мартеновских печей. Они хрипло пели: «А ну, тянем-потянем...» Чугунная баба медленно ползла кверху по направляющим бороздам копра, потом срывалась и производила ничтожную работу.

Пятнадцать чернорабочих. Пятнадцать поденщин. Во что же обходится только одна разбивка железного лома? И без подсчетов видно, как безжалостно расходуются сила человеческих рук.

А судовой цех, где некогда работал его дед Матвей Романович, по-прежнему крыт небом. Это площадка, на которой все делают только руки. Тяжелыми большими ножницами руки подрезают железные листы корпуса судна. Руки сверлят по краям листов отверстия для заклепок. Руки молотом расклепывают заклепки, соединяя лист с листом. Руки срубают зубилом заусеницы.

Так строили суда и в прошлом столетии» [19, с. 225].

В своих воспоминаниях Е. А. Пермяк коснулся темы первой мировой войны, в романе «Горбатый медведь» герои тоже переживают этот период. «Событием первых лет войны было появление в Воткинске пленных «австрийцев». К ним относились солдаты всех национальностей Австро-Венгерской империи. Среди них особенно выделялись чехи. Они не в пример другим пользовались расположением воткинцев» [20, с. 34]. В романе выведены среди персонажей военного и послереволюционного времени пленные чехи и словаки. Особую же симпатию мильвенцев заслужил чех Мирослав Томашек.

Сюда же относятся события гражданской войны, обрисованные в романе. Воткинск, как известно, стоял в центре Ижевско-воткинского восстания.

«Историю и литературу иногда называют сестрами, но никогда близнецами». – констатировал в одном из писем А. З. Воротову Е. А. Пермяк (поскольку тот очень хотел найти прототипы людей, событий и мест в романе «Горбатый медведь»). «Они, нередко имея схожие черты, всегда различны. Различны по своей природе, по своему характеру и по своим методам. История запечатлевает доподлинное. Литератор воспроизводит рожденное его мировоззрением и претворенное воображением. Для историка жизненные факты непреложны. Для литератора же они чаще всего становятся всего лишь поводом, лишь зерном замысла художественного произведения» [21, с. 39].

Сказанное Е. А. Пермяк относил и к своему роману «Горбатый медведь», который по частным событийным похожествам и отдельным ассоциациям все же нельзя назвать произведением историческим и тем более документальным» [22, с. 39].

И все же прототипы в литературе существовали всегда, ибо чаще всего окружающая действительность подталкивает писателя создать тот или иной художественный образ, и нет в том ничего предосудительного, какого-то обвинения в художественной несостоятельности автора.

В романе явно перекликаются с воткинскими персонажами – мильвенские герои: Зашеины (семья деда Маврика), генерал Тихомиров, строящий в Мильве гимназию, куда определяют учиться Маврика (в Воткинске генерал В. Н. Смирнов был основателем мужской гимназии, где учился Е. А. Пермяк). Сам Е. А. Пермяк признавался, что «необдуманно и опрометчиво было с моей стороны, что некоторые фамилии прототипов я изменил, слишком упрощенно. Но когда в произведении много действующих лиц, то их имена трудно держать в голове, и ты придумываешь сходное, чем-то перекликающееся имя, а иногда и не переиначиваешь его. Например, портрет моего друга поэта Василия Кулемина, как и его характер, я передал Артемию Кулемину в память по умершем товарище. А теперь я вижу, что упрощенность такого рода порождает неожиданное суждение» [23, с. 43–44].

В художественном произведении где-то сгущаются краски, а где-то что-то додумывается. По всей видимости, Е. А. Пермяка как художника задел прямой поиск «документального» в его романах воткинского краеведа А. З. Воротова. Данное обстоятельство послужило вероятно и причиной сокращения переписки. «Не скрою», – резюмировал писатель, – «мне всегда становится немножечко обидно, когда выношенное в муках, рожденное в радостях расценивают как простую переписку из жизни, а не сложную, если не сказать изнурительную работу над созданием новых человеческих душ.

В «Медведе», как и в остальных моих сочинениях, у меня нет персонажа, сфотографированного из жизни. Фотографирование исключает самое дорогое в профессии писателя – творческое горение» [24, с.44].

Однако, чем больше читаешь переписку Е. А. Пермяка с А. З. Воротовым, где писатель стремился «отмежеваться» от воткинской основы в романе «Горбатый медведь», тем более эта основа становится видна. Что не умаляет художественного таланта его создателя, а наоборот – таким близким, родным Мильвенский завод в романе «Горбатый медведь» кажется воткинцам, что было бы недоступно ни одной исторической хронике.

«Дед Маврика», – замечал Е. А. Пермяк, – с моим дедом имеет лишь некоторое внешнее, но не социальное сходство. Мой дед был из крепостных мужиков. Он свою жизнь начал бродячим коробейником, продолжил торговцем «красным товаром» (так назывались хлопчатобумажные ткани), погряз в долгах и разорился. Его я помню смутно и знаю о нем по рассказам бабушки как о человеке непоседливом, общительном и отзывчивом. Ее рассказы впоследствии послужили «закваской» для создания нового образа судового мастера Матвея Романовича Зашеина» [25, с.40].

«Так же был создан образ генерала Тихомирова, похожего на своего прототипа некоторыми внешними чертами, отдельными поступками, общественно-педагогической деятельностью, например созданием частной прогимназии. Но его внутренний мир, его мировоззрение и тем более политические взгляды мне были не известны по малолетству. Думаю, что между типом и прототипом различий больше, нежели сходств. Спустя многие годы, я почувствовал потребность на основе знакомого нарисовать желаемое» [26, с. 41].

Е. А. Пермяк называл образ Мильвы, Мильвенского завода собирательным, вобравшем в себя типичное для Урала тех лет. Не уставай замечать, что «все уральские заводы, за малым исключением, близки по истории создания и облика» [27, с. 42]. Мол, «всякий старый уральский завод начинался с пруда», и плотина, как правило,

была широкой, а по «плотине везде и всюду проходила дорога, соединяющая две части города, разъединенные рекой», кладбища находились в сухом месте – на горе; в центре заводского поселка находилась площадь, на площади церковь и административные здания, площадь была также местом торговли крестьян из окрестных деревень; улицы заводского поселения «всегда сбегали с горы к пруду» и с горы «всегда открывалась панорама завода, пруда, поселка» [28, с. 42]. Эту панорама, писал Е. А. Пермяк, он и дал в экспозиционной главе: «И каждый житель уральского завода пусть видит то, что греет его сердце. Ведь я же роман писал для всех» [29, с. 42].

Безусловно, уральские заводы в силу специфики своего производства и истории появления имели много схожего в планировочной структуре, укладе жизни. Так размышляет и Маврик, возвращаясь в Мильву: «Нет спора, Петроград, Москва – великие города, но Мильва больше их, потому что она сгущенно уместила в себе огромный край. Пусть этого очень простого и очень сложного кто-то не понимает и не поймет, зато это ясно ему. Живя в Мильве, он жил сразу во множестве заводов Урала и Прикамья» [30, с. 389].

Тем не менее, в этом сходстве есть и индивидуальные особенности, при всем том, что понятно, что в образе Мильвенского завода помимо Воткинска есть и черты других поселений, известных Е. А. Пермяку, в которых он бывал или жил какое-то время. Якорное производство, отмеченное в романе, было славной страницей среди уральских заводов именно Воткинского завода. Плюсом к этому судовое производство и близость к Каме, но находился завод не на крупной реке. Но ведь как и для Маврика – «Мильва не только дома, улицы и пруд. Мильва – это самая родная из всех родных тетечка Катечка. Это, конечно, и мама, и некоторые товарищи...» [31, с. 385], так и Воткинск был местом, связанным для Е. А. Пермяка с родными и любимыми людьми. А родное и милое сердцу, написанное от сердца, всегда будет понятно и любому читателю, и дело совсем не в ориентации для всех. Приведу здесь стихотворение отечественного поэта Н. И. Глазкова, очень верно передавшего эту мысль:

Рассчитывая на успех,
Желая отразить эпоху,
Поэт сложил стихи для всех,
Жена прочла, сказала: –
«Плохо!»
Тогда одной своей жене
Поэт сложил стихи другие.
И оказалось: всей стране
Потребны именно такие! [32, с. 394–395]

Само название завода в романе «Горбатый медведь» Е. А. Пермяк объясняет тем, что «уральские заводы всегда назывались по главной реке. Я перебрал все названия уральских рек, чтобы не повториться, и придумал свое название реке и заводу» [33, с. 42]. Можно вспомнить и завод в Пермском крае, получившем название по реке Вильва (в переводе с коми-пермяцкого языка виль – свежая, ва – вода). А с другой стороны, ассоциация с чем-то милым, здесь, по-видимому, тоже не случайна. Сам же Е. А. Пермяк признавался, что «Воткинск просматривается в каждом из моих романов» [34, с. 4]. В «Горбатом медведе» он просматривается явственнее, от чего роман приобретает лишь большую художественную и историческую ценность.

«Историю, как и землю, не повернешь вспять...» [35, с. 495].

Ссылки на источники

1. Владимирова З. Где родился Пермяк? // Воткинские вести. – 1992. – № 175, 20 ноября. – С. 4.
- 2–3. Миролубова А. И. Все-таки Пермяк родился в Воткинске // ВТВ плюс. – 2006. – № 44 (497), 2 ноября. – С. 11.
- 4, 6–7, 9, 11, 13, 15–16, 18, 20–29, 33–34. Пермяк Е. Воспоминания и письма. – Воткинск, 1992.
5. Витиль: краеведческий альманах (посвящен 100-летию со дня рождения Е. А. Пермяка). – Воткинск, 2002.
- 8, 10, 12, 14, 17, 19, 30–31, 35. Пермяк Е. А. Горбатый медведь. – Пермь: Кн. изд-во, 1981.
32. Глазков Н. И. Рассчитывая на успех... // Хрестоматия по литературе. – Астрахань: Изд-во Астраханского пед. ин-та, 1994.

Sannikova Tatyana,

Candidate of Historical Sciences, assistant professor at the chair of government and right of Branch of Udmurt State University, Воткинск

sannikova_t@mail.ru

Images of Воткинск in memoirs and novel of E. A. Permjak «Humpbacked bear»

Abstract. Paper is devoted to comparison of memoirs of writer E. A. Permjak (1902–1982) about his childhood, past on the Воткинск factory in the beginning of XX century and artistic images of the novel «Humpbacked bear» (1965) in which basis lay themes and prototypes of Воткинск.

Keywords: Images of Воткинск, E. A. Permjak, the novel «Humpbacked bear».

ISSN 2304-120X

9 772304 112012 8